

Приложение

Надписи советских воинов на стенах и записи в дневниках, найденных в Аджимушкайских каменоломнях. Май — июль 1942 года

Смерть, но не плен! Да здравствует Красная Армия! Выстоим, товарищи! Лучше смерть, чем плен.

22—VI—42. Ровно 1 год войны... Немецкие фашисты напали на нашу Родину.

Проклятье фашистам!

Прощайте!

В момент первой газовой атаки Ягунов приказал передать в эфир радиogramму: «Всем народам Советского Союза! Мы, защитники обороны города Керчи, задыхаемся от газа, умираем, но в плен не сдаёмся».

ИЗ ДНЕВНИКА МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА А. И. ТРОФИМЕНКО

16 м а я. Немцы окружили со всех сторон наши катакомбы. В церкви огневая точка, пулеметы, автоматы. Большая часть домов в Аджимушкае захвачена немцами, и почти в каждом расположились автоматчики. Становится затруднительно движение на дворе. Трудно добираться за водой.

Однако жизнь идет своим чередом. Утро действительно было самое хорошее, восточный ветерок еле колыхал воздух, но канонада не утихла. Воздух наполнен сплошным дымом...

17 м а я. К атаке все уже было подготовлено. В последний раз прохожу, проверяю своих орлов. Моральное состояние хорошее. Проверяю боеприпасы. Все есть. Сто человек поручило командование вести в атаку. Сто орлов обращают внимание на то, кто будет вести их в бой за Родину. Последний раз продумываю план. Разбиваю на группы, по двадцать человек. Выделяю старших групп. Задача всем ясна, ждем общего сигнала.

Встретился с Верхутиным, который будет давать сигнал для общей атаки. Вылезаю на поверхность, рассматриваю. Оказалось — метрах в ста, возле сладкого колодца, стоят два танка.

Приказываю противотанковому расчету уничтожить. Пять-шесть выстрелов, и танк загорелся, а

другой обратился в бегство. Путь свободен.

Слышу сигнал.

— В атаку!

Сжимаю покрепче автомат, встаю во весь рост.

— За мной, товарищи, за Родину! Вперед!

Грянули выстрелы. Дымом закрыло небо. Вперед! Враг дрогнул, в беспорядке начал отступать.

Вижу, из-за памятника два автоматчика стоя ведут огонь по нашим. Падаю на землю. Даю две очереди. Хорошо, ей-богу, хорошо! Один свалился в сторону, другой остался на своем месте. Славно стреляет автомат — грозное русское оружие.

А ребята с правого фланга давно уже пробрались вперед, с криком «ура!» громят врага...

20 мая. Насчет воды дело ухудшилось совершенно. Гражданское население находится от нас недалеко. Мы разделены недавно сделанной стеной, но я все-таки проведываю их и часто интересуюсь настроением. Плохо дело.

Вот воды хотя бы по сто граммов, жить бы еще можно, но дети, бедные, плачут, не дают покоя. Да и сами тоже не можем: во рту пересохло, кушать без воды не сготовишь. Кто чем мог, тем и делился. Детей поили с фляг по глотку, давали свои пайки сухарей...

24 мая. Грудь мою что-то так сжало, что дышать совсем нечем. Слышу крик, шум... Быстро схватился, но было уже поздно.

Человечество всего земного шара, люди всяких национальностей! Видели ли вы такую зверскую расправу, какой владеют германские фашисты. Нет...

Я заявляю ответственно: история нигде не рассказывает нам об этих извергах. Они дошли до крайности! Они начали давить людей газами!

Катакомбы полны отравляющим дымом. Бедные детишки кричали, звали на помощь своих матерей. Но, увы, они лежали мертвыми на земле с разорванными на груди рубахами, кровь лилась изо рта.

Кругом крики:

— Помогите!

— Спасите!

— Покажите, где выход! Умираем!

Но за дымом ничего нельзя было разобрать.

Я и Коля тоже были без противогазов. Мы вытащили четырех ребят к выходу, но напрасно. Они умерли на наших руках.

Чувствую, что я уже задыхаюсь, теряю сознание, падаю на землю. Кто-то поднял и потащил к выходу. Пришел в себя. Мне дали противогаз. Теперь быстро к делу, спасти раненых, что были в госпиталях.

Ох, нет, не в силах описать эту картину. Пусть вам расскажут толстые каменные стены катакомб, они были свидетелями этой ужасной сцены...

Вопли, раздирающие стоны. Кто может, идет, кто не может — ползет. Кто упал с кровати и только стонет: «Помогите/», «Милые друзья, умираю, спасите!»

Белокурая женщина лет 24-х лежала вверх лицом на полу. Я приподнял ее, но безуспешно. Через пять минут она скончалась. Это врач госпиталя. До последнего своего дыхания она спасала больных, и теперь она, этот дорогой человек удушен.

Мир земной! Родина!

Мы не забудем зверств, людоедства. Живы будем — отомстим за жизнь удушенных газами!

Требуется вода, чтобы смочить марлю и через волглую дышать, но воды нет ни одной капли. Таскать людей к отверстию нет смысла, потому, что везде бросают шашки и гранаты. Выходит, один выход — умирать на месте в противогазе. Она, может быть, и есть, но теперь уже поздно искать ее.

Гады, душителю. За нас отомстят другие!

Несколько человек вытащили ближе к выходу, но тут то же самое, а порой еще больше газов...

Колю потерял, не знаю, где Володя. В госпитале не нашел, хотя бы в последний раз взглянуть на них. Пробираюсь на центральный выход. Думаю, что там меньше газов, но это только предположение. Теперь я верю в то, что утопающий хватается за соломинку. Наоборот, здесь больше отверстия, а поэтому здесь больше пущено газа.

Почти у каждого отверстия 10—20 немцев, которые непрерывно пускают ядовитые газы-дым.

Прошло восемь часов, а они все душат и душат. Теперь противогазы уже пропускают дым, почему-то не задерживают хлор.

Я не буду описывать, что делалось в госпитале на центральной. Такая же картина, как и у нас. Ужасы были по всем ходам, много трупов валялось, по которым еще полуживые метались то в одну, то в другую сторону. Все это, конечно, безнадежно. Смерть грозила всем, и она была так близка, что ее чувствовал каждый.

Чу! Слышится песнь «Интернационал». Я поспешил туда. Перед моими глазами стояло четверо молодых лейтенантов. Обнявшись, они в последний раз пропели пролетарский гимн.

— За Родину! Выстрел.

— За нашу любимую партию Ленина!

Выстрел.

— За нашу победу!

Выстрел.

Еще прозвучал выстрел, четыре трупа лежало неподвижно. Какой-то полусумасшедший схватился за рукоятку «максима» и начал стрелять куда попало. Это предсмертная судорога.

Каждый пытался сохранить свою жизнь, но увы! Труды напрасны... Умирали сотни людей за Родину.

Изверг, гитлеровская мразь, посмотри на умирающих детишек, матерей, бойцов и командиров! Они не просят от вас пощады, не станут на колени перед бандитами, издевавшимися над мирными людьми. Гордо умирают за свою любимую священную Родину...

3 июля. Целый день 2 июля ходил как тень. Порой имел желание хотя бы закончить такую муку смертью, но подумал о доме, хочется еще раз увидеть свою любимую жену, обнять и поцеловать своих любимых крошек деток, а после и жить вместе с ними.

Болезнь увеличивается. Силы падают. Температура до 40 °. Зато следующий день принес большую радость: вечером к нам в штаб пришел воентехник I ранга тов. Трубилин. Он долго говорил с капитаном, после чего мне было слышно, что он сказал:

— Да ей-богу, будет же вода.

Смысла я не понял, что за вода и откуда. Оказывается, что этот Трубилин взялся за день дорыть подземный ход к наружному колодцу и достать воду. Хотя это и стоило большой напряженной работы, но молодой энергичный товарищ взялся по-большевистски за работу. Вновь застучали кирки, заработали лопаты. Но верить в то, что уже будет вода, никто не верил.

Что же получилось с колодцем? Фрицы его сначала забросали досками, колесами с повозок, а сверху большими камнями и песком. В глубине он был свободен и можно было брать воду. Трубилин уверенно дошел до колодца подземным ходом в течение 36 часов своей упорной работы, пробил дырку в колодце, обнаружил, что воду можно брать, тихонько набрал ведро воды, и впервые пил сам со своими рабочими, а потом незаметно принес в штаб нашего батальона.

Вода, вода. Стучат кружками. Пьют. Я тоже туда. Капитан подал мне полную кружку холодной чистой воды, шепотом сказал:

— Пей, это уже наша вода.

Не знаю, как я ее пил, но мне кажется, что там как будто ее и не было. К утру вода уже была и в госпитале, где давали по 200 г. Сколько радости — вода, вода! 15 дней без воды, а теперь хотя пока и недостаточно, но есть вода.

Застучали, зазвенели котлы. Каша! Каша! Суп! О! Сегодня — каша! Значит, будем жить.

Сегодня уже имеем в запасе 130 ведер воды. Это ценность, которой взвешивают жизнь до 3000 людей. Она, вода, решала судьбу жизни или смерти. Фрицы думали, что колодец забит, и свои посты оттуда сняли, так что с большим шумом брали воду. Но нужно оговориться, воду брать было очень трудно по подземному ходу, можно идти только на четвереньках...

Первый период обороны Аджимушкайских каменоломен был коротким и завершился первыми газовыми атаками немцев. Их последствия для гарнизона Центральных каменоломен были очень тяжёлыми. В конце мая 1942 года начался второй период обороны каменоломен - активная оборона, бойцы проводили вылазки, вели разведку, делали попытки установить связь с «Большой землей» и подпольем в Керчи. К сожалению, мы имеем очень мало данных о боевой активности гарнизона. Хотя есть и внешние подтверждения их борьбы. В штаб 47-й армии поступали разведывательные сводки и донесения, разведчики и наблюдатели на Таманском берегу фиксировали яростные бои на территории посёлка Аджимушкай. Первое такое донесение от 21 мая 1942 года сообщает, что отряд численностью примерно в 5 тыс. человек оказывает сопротивление в районе Аджимушкай.

Вылазки, которые проводил подземный гарнизон Центральных каменоломен, командование тщательно планировало и готовило. Предварительно вели наблюдение через тайные наблюдательные пункты, которые оборудовали в нескольких местах, и проводили разведки для уточнения сил немцев на разных направлениях. В отдельных случаях в вылазках могло участвовать до нескольких тысяч человек. Обычно на вылазку шли два батальона, третий был в резерве. Пытались обеспечить некоторую внезапность, командование гарнизона проводило атаки со значительными интервалами или каждый день.

Кроме проблемы воды, серьёзным вопросом была страшная нехватка вооружения и боеприпасов (к тому же в подземельях патроны быстро отсыревали, постоянно давали осечки). Эту проблему старались решить созданием «трофейных команд», которые были должны собирать немецкое оружие во время вылазок и организацией ремонта оружия в гарнизоне. В первую очередь старались ремонтировать автоматическое оружие, к примеру, из 2-3 нерабочих пулемётов собирали один.

В июне наблюдатели на Таманском берегу почти каждый день фиксировали яростные перестрелки и взрывы в районе каменоломен и завода им. Войкова, где продолжали оказывать сопротивление мелкие группы красноармейцев. Немецкое командование было озабочено этим сопротивлением, т. к. части несли значительные потери, к тому же была угроза, что гарнизон каменоломен установит связь с «Большой землёй». А это позволит установить боевое взаимодействие в нужный момент, к примеру, во время возможной высадки советского десанта в районе Керчи. Понимало это и командование подземного гарнизона, оно предприняло неоднократные попытки перебросить разведгруппы с донесениями через пролив.

Гарнизон продолжал борьбу в условиях полной изоляции и в июне, и в июле 1942 года. Тяжёлым моральным ударом для гарнизона стало известие о падении Севастополя 9 июля. Пока держался

Севастополь, была надежда, что их не забудут, Крым вскоре будет освобождён. Одновременно немцы оказывали сильное информационное давление, пытаясь подорвать моральный дух защитников подземелья, которые бились в самых тяжёлых условиях. Немцы сообщили о падении Севастополя и предлагали сложить оружие, обещая сохранить жизнь и хорошее обращение. Но командование гарнизона смогло сохранить ситуацию под контролем, поддержать боевой дух бойцов. Ещё одним сильным психологическим ударом стала гибель героического командира гарнизона Павла Ягунова. Он погиб во время вылазки в ночь на 8-9 июля. Но и это не сломило защитников, они продолжали сражаться. Ясно, что одним из факторов высочайшей стойкости гарнизона каменоломен была умелая партийно-политическая работа. Среди гарнизона было много командиров и политработников, даже высокий уровень смертности во время вылазок позволял сменять командиров на командиров и политработников. Их способность к самопожертвованию, высокий моральный дух, твердость и уверенность командиров позволили гарнизону выстоять так долго, веря в Победу. До сентября в гарнизоне шли практически ежедневные занятия по тактике, боевой подготовке, политике, читали лекции. До бойцов доводили сведения Совинформбюро, которые принимали по радио. В первые дни обороны даже выпускали «Боевой листок». Огромное значение в обороне имела и чёткая организация гарнизона. Все бойцы и командиры имели своё дело, участок обороны. Дисциплину и порядок обеспечивали самыми жёсткими методами, беспощадно пресекая попытки дезертирства, нарушения Устава, преступления и т. д. В результате гарнизон был боеспособен длительный промежуток времени.

В июле гарнизон Центральных каменоломен под командованием подполковника Бурмина, который заменил погибшего Ягунова, вёл практически непрерывные бои, пытаясь прорваться к проливу. Бойцы подземного гарнизона даже смогли несколько раз заставить немецкие войска оставить посёлок. Разведсводки 47-й армии сообщают о сильной стрельбе в районе каменоломен и посёлка 10, 20, 23 и 29-го июля. 20 июля зафиксирован огонь немецкой артиллерии по посёлку.

Только в августе боевая активность гарнизона резко упала – от него осталось всего несколько сотен человек. Резко увеличилась смертность от болезней, истощения. Гарнизон жил впроголодь. По данным немцев, с июля кончился хлеб, к сентябрю дневной рацион включал 150 грамм сахара (в подземелье был значительный запас сахара, и его норма выдачи даже росла, когда закончились остальные продукты) и 20 грамм похлёбки. «Суп» варили из костей, шкур, копыт лошадей, забитых ещё в мае. Резали и варили кожаные ремни. Мелкие группы выходили из подземелий и пытались собирать траву, корни, колоски ячменя. Ловили и ели собак, кошек, крыс. Люди умственно и физически слабели, уже не было сил для похорон погибших. Но даже в этих условиях гарнизон боролся: работали штабы, политические отделы, составлялись документы, делали вылазки, проводили разведку. 2 сентября, когда немцы высадили десант на Таманский полуостров, пропали последние надежды на приход наших войск. Командование отдало приказ тем, кто ещё имел силы, идти на прорыв, мелкими группами уходить из подземелий. В 20-х числах сентября немцы провели серию мощных взрывов у входов, после этого организованное сопротивление практически прекратилось. Под землёй в разных местах оставалось не более сотни истощённых человек. Последние полностью истощённые защитники попали в плен в самом конце октября 1942 года.

В Малых каменоломнях решение о выходе и попытке прорыва было принято еще в середине июля. В

середине августа из каменоломен вышли бойцы из группы С.А.Ермакова. Есть информация, что подполковник С.А.Ермаков погиб на берегу пролива, а батальонный комиссар Б.М.Семенов попал в плен. Небольшая группа бойцов во главе со старшим лейтенантом М.Г. Поважным, которая укрывалась в самых дальних тупиковых штольнях, в силу своей малочисленности была уже неспособна к решительным боевым действиям.

Действия немцев

Столь длительную оборону Аджимушкайских каменоломен нельзя объяснить пассивностью немецких и румынских частей. В течение как минимум трёх месяцев в районе каменоломен шли жестокие бои и схватки. Немецкое командование применило несколько методов для ликвидации такого яростного очага сопротивления.

До 19 мая немецкое командование не придавало группе Ягунова и другим отрядам в районе каменоломен большого значения. Подобных узлов сопротивления и «котлов» было несколько. Немцы больше внимания уделяли попыткам уничтожения вывозимых с Керченского полуострова войск разгромленного Крымского фронта. Первые штурмы подземелий были предприняты 19 и 20 мая. Видимо, в ряде мест немецкие войска даже прорвались в каменоломни. Так, в 1996 году были обнаружены следы яростного подземного боя в северной части Центральных каменоломен. Подобные атаки предпринимались и позже. Однако гарнизон отбил все попытки пробиться вглубь каменоломен. Не привели к успеху и обстрелы входов с помощью артиллерии и танков.

В результате, убедившись в малой эффективности прямой атаки и обстрела каменоломен, немцы перешли к осаде. Были блокированы все выходы из каменоломен, уничтожены близлежащие источники воды на поверхности. Но и это не сломило гарнизон, проблему воды смогли решить, вылазки продолжались, часто принимая характер ожесточённых сражений, немцы несли потери.

Не дала результатов и информационная война – ежедневно гарнизону предлагали сложить оружие, ввиду бесполезности сопротивления. Тогда немецкое командование решило применить газы, которые уже использовали на Керченском полуострове в 1941 году против партизан. 24 мая последовала первая газовая атака. Она была весьма эффективной, началась даже паника. Командование гарнизона не придавало опасности химической атаки большого значения. Видимо из-за того, что подобные мероприятия в 1941 году оказались практически безрезультатными – немцы применили газы против партизан в Малых каменоломнях в ноябре-декабре 1941 года. Потери были огромны, так, только на территории одного из батальонов насчитали 824 трупа. Описание этой страшной атаки сохранилось в дневнике Сарикова-Трофименко, найденном в подземельях в 1944 году и в воспоминаниях выживших. Значительное количество красноармейцев, спасаясь от газа, вышли наружу и сдались немцам. Их потом частью расстреляли перед входами в каменоломни. После этой атаки в гарнизоне осталось около 3 тыс. человек (данные на 3 июня). Почти неделю гарнизон хоронил погибших и искал средства от газовых атак. С 25 мая строят «газоубежища»,

отгораживая тупиковые ветки толстыми стенами. Убежища оказались достаточно надёжным средством от дальнейших газовых атак. Тот факт, что немцы использовали отравляющие вещества против советского гарнизона, был доказан исследованиями Военной академии химической защиты в 1973 году и Крымского медицинского института в 1984 году.

Большой вред гарнизону приносили инженерные, подрывные работы противника, которые немцы активно проводили практически на протяжении всего периода обороны Аджимушкайских каменоломен. Подрывы производились авиабомбами, которые закладывали в специально подготовленные на поверхности шурфы. Взрывы приводили к обвалам, вызвали контузии и даже случаи помешательства. Часто под завалами оказывались и живые люди, разобрать многотонные обвалы возможности не было, и стоны умирающих людей оказывали на бойцов деморализующее воздействие. 29 мая во время одного из таких подрывов завалило весь командно-политический состав 3-го батальона, который был собран комбатом на совещание. Все погибли. Чуть позже под завалами погиб почти весь личный состав 3-го батальона. Под завалами погиб и один из госпиталей в Центральном каменоломнях.

Гарнизон каменоломен научился минимизировать потери и от такой опасности. Были созданы специальные команды «слухачей», которые парами обходили подземелья и пытались на слух определить, где немцы готовят новый шурф для закладки бомбы. При обнаружении такого места командование эвакуировало весь личный состав опасного сектора. Но и немецкие сапёры хитрили – делали большой интервал между закладкой мины и самим взрывом, закладывали шурфы в шахматном порядке. Эти подрывы стали наиболее эффективным методом борьбы с подземным гарнизоном. К тому же немцы оказались отлично информированы о расположении основных объектов подземного гарнизона. Видимо, сыграл роль фактор предательства. Этот метод немцы применяли практически до самого конца обороны. В 20-х числах сентября серия мощных взрывов разделила Центральные каменоломни на две части. Были заблокированы почти все входы в подземелье. В середине октября провалилась попытка «зачистки» подземелий. Видимо, последние бойцы оказали сопротивление. Поэтому, с 18 по 31 октября была проведена последняя серия подрывов, которая сопровождалась операцией по ликвидации остатков последних групп сопротивления. Именно в последние дни октября попали в плен последние защитники подземелья.

Оборона Аджимушкайских каменоломен показала, что довольно крупная, вооруженная и отлично организованная группа бойцов и командиров может значительное время оказывать упорное сопротивление врагу в подземных сооружениях. Почти все методы, применяемые немцами, оказались малоэффективными, и гарнизон не удалось сломить силой оружия. Гитлеровцы так и не смогли победить подземный гарнизон в открытом бою или заставить капитулировать. Люди дрались в самых жесточайших условиях и до последнего надеялись на приход своих и победу Родины. Надо подчеркнуть и роль командного состава гарнизона, он действовал на очень высоком уровне. Борьба изолированных подземных гарнизонов в районе Аджимушкай в очередной раз показала высочайшие боевые, моральные качества, величие духа, стойкость и мужество бойцов и командиров Красной Армии. Это были настоящие богатыри, стальные люди... Слава им!

К сожалению, ни советские, ни российские режиссеры не обратили внимания на эту кровавую, но героическую страницу нашей Истории. Про подвиг гарнизона Аджимушкайских каменоломен нет фильмов. Эти титаны достойны нашей памяти. На их подвиге надо воспитывать детей. Так умеют защищать Родину только у нас.

Немецко-фашистские захватчики побывали в Керчи дважды: в ноябре 1941 г., но их тогда довольно быстро (в конце декабря 1941 г.) в ходе Керченско-Феодосийской операции отбросили назад, и в мае 1942 г., когда они вновь захватили Керченский полуостров, прорвались к проливу и окружили ряд частей Красной Армии. Сводный отряд полковника Ягунова П.М. оказался в окружении, приказа к отступлению часть не получила. Тогда наши воины, не желая сдаваться врагу, отошли в каменоломни у поселка Аджимушкай и заняли там круговую оборону. Не одну сотню лет добывали в Аджимушкае известняк-ракушечник, из которого строился г. Керчь. В результате образовались подземные лабиринты большой протяженности.

В тех же каменоломнях находилось несколько тысяч местных жителей, в основном женщин, стариков и детей, спасавшихся от бомбежек и вражеских обстрелов. Всего здесь собралось более 20 тысяч человек. В каменоломнях возникло два отдельных подземных гарнизона: в Больших – численностью примерно 10 тысяч человек, в Малых – до 3 тысяч. Конечно, каменоломни к обороне заблаговременно никто не готовил, не было специальных запасов оружия, боеприпасов, продовольствия, медикаментов. Поэтому сражаться приходилось в очень трудных условиях. Особенно трудно было бойцам в Больших или Центральных каменоломнях, так как именно здесь находилось более 500 наших раненых солдат и гражданское население.

Немецкое командование приказало пленить всех, кто укрылся в подземелье, а в случае сопротивления – безжалостно уничтожить. Против осажденных бросили два отборных полки пехоты 46-й дивизии, танки и минометы, 88-й саперный батальон и специальную команду войск СС. Но первое время ни танки, ни автоматчики не могли даже близко подойти к входам в каменоломни – всюду их встречал огонь отрядов прикрытия. Лишь 16 мая 1942 г. противнику удалось блокировать район каменоломен. Но и тогда днем и ночью смельчаки выходили на поверхность и внезапными налетами отгоняли гитлеровцев на 3-4 километра. Несколько раз они подолгу удерживали поселки Аджимушкай, Колонка и завод имени Войкова, используя этот успех для пополнения запасов воды и продовольствия.

О том, какое большое военное и моральное значение имели боевые действия Аджимушкайского подземного гарнизона в тылу врага, свидетельствуют не только их каждодневные боевые дела, но и некоторые трофейные документы, которые попали в руки советского командования после разгрома фашистской Германии.

Бурмин Г.М.

Так, в одном из таких документов, секретном донесении из Симферополя в Берлин, названном «О советских очагах сопротивления в каменоломнях Аджимушкай – Крым», есть такие признания:

«Аджимушкайские катакомбы, находящиеся в 3 километрах от окраин Керчи, превращены большевиками в сильно укрепленные узлы сопротивления...» И далее: «Ягунов получил приказ командующего Крымским фронтом генерал-лейтенанта Козлова держаться до тех пор, пока не вернется Красная Армия. Этот приказ неукоснительно выполнялся...» Авторы доклада вынуждены были признать, что даже в конце октября 1942 г. приходилось проводить усиленные карательные экспедиции против остатков мужественных защитников каменоломен.

Борьбой окруженных советских воинов руководил штаб обороны, во главе которого встали: полковник Ягунов П.М., комиссар Парахин И.П., полковник Верушкин Ф.А., подполковник Бурмин Г.М. В Малых каменоломнях подземный гарнизон возглавил старший лейтенант Поважный М.Г. Был образован полк обороны Аджимушкая с тремя батальонами и специальными командами разведчиков, радистов, истребителей танков, интендантской частью, госпиталем, группой по добыче воды и группой «слухачей», наблюдавших за взрывными работами на поверхности. Вся жизнь подземного гарнизона велась строго по уставу РККА, и это значительно повысило его обороноспособность.

В первых ожесточенных схватках с немцами смертью храбрых пали командир 1-го батальона старший лейтенант Белов Н.Н., капитан Левицкий В.М., лейтенант Новиков, младший лейтенант Павел Салтыков и десятки других героев. Наше командование пыталось помочь осажденному гарнизону, советские самолеты сбрасывали в район катакомб боеприпасы и продовольствие.

Парахин И.П.

Над каменоломнями день и ночь гремели выстрелы, разрывы гранат и мин, затем заухали мощные разрывы авиабомб, которыми гитлеровцы хотели вскрыть центральные подземные траншеи. К 20 мая 1942 г. в Керчь из Берлина прибыли самолеты, которые доставили секретное оружие для борьбы с непокорными советскими бойцами. Этим оружием оказался новый газ, изобретенный фашистскими учеными. Газ находился в больших баллонах и гранатах особой конструкции. Засыпав камнями и землей от взрывов все выходы из каменоломен, гитлеровцы подвели к щелям трубы от баллонов со сжатым газом. Через пробуренные отверстия вниз бросали гранаты. А тех, кто пытался выбраться вверх, разили из пулеметов и автоматов.

Первая газовая атака была проведена в ночь на 25 мая. За ней последовали другие – в течение нескольких дней с интервалами 3-5 часов. Эту трагедию описал в своем дневнике младший лейтенант Александр Иванович Трофименко – один из героев Аджимушкая. От газов и обвалов погибло не менее 10 тыс. человек. Часть людей в бессознательном состоянии попала в руки гитлеровцев.

Не сумев захватить каменоломни, немцы накрепко блокировали их, надеясь, что голод и жажда сломят наших солдат. А жажда была страшная. Колодцы находились снаружи, под постоянным прицелом пулеметов. За каждый глоток воды приходилось драться. По воспоминаниям немногих выживших бойцов, «за ведро воды платили ведром крови».

В конце концов немцы попросту засыпали колодцы. Но подземный гарнизон держался. Бойцы сосали камни и стены катакомб, добывая живительную влагу, а затем вырыли подземный колодец. В жестоком бою они отбили и затащили в туннели полевую кухню.

Но и эти варварские атаки не сломили волю оставшихся в живых защитников Аджимушкай. Конец мая и июнь они не давали покоя карателям. Однако силы их с каждым днем таяли. Люди гибли от голода и жажды, от газовых атак, гибли во время вылазок из каменоломен.

В начале июля трагически погиб Павел Максимович Ягунов. Выходец из крестьянской семьи села Чебарчино, Осташевского района, Мордовской АССР, он прошел трудный жизненный путь. Во время Гражданской войны Ягунов участвовал в боях с белоказаками под Актюбинском. Затем в рядах 5-го Туркестанского стрелкового полка сражался на юге с белогвардейцами Деникина, с бандами басмачей в Средней Азии... Павел Максимович стал кадровым военным, перед войной он служил в Бакинском военном пехотном училище, потом фронт...

После гибели Ягунова командование обороной каменоломен принял Григорий Михайлович Бурмин, кадровый военный, танкист, участник боев на Халхин-Голе. В Крыму во главе танкового полка он прикрывал арьергарды пехотных частей, оборонял до последнего часа завод имени Войкова и уже после блокады Аджимушкай пробился в каменоломни с группой бойцов. После многодневных упорных боев, больших потерь в составе гарнизона Парахин, Верушкин и их товарищи оказались в гестаповской тюрьме Симферополя. Их долго пытали и, ничего не добившись, расстреляли.

Верушкин Ф.А.

Последние разрозненные группы обессиленных защитников Аджимушкай ушли из каменоломен в ноябре 1942 г., когда землю засыпало мокрым снегом. Среди участников аджимушкайской обороны выделялись Пирогов А.И., Сидоров П.Е., Данченко Н.С., Филиппов Н.Д., Левицкий В.М., Голядкин А.Г., Соловьев В.А., Горошко Н.П., Шукевич В.И., Скилевой П.И., Бармет Г.И., Трубилин Г.Ф., Костенко В.И., Деркач Г.К., Казначеев Ф.Ф., Ефремов Н.А., Поважный М.Г., Воронов А.М., Казмирчук А.П., Колодин В.И., Ч. Жунускулов, А. Чукулук, Егорова З.С., медсестры Аня Чурова и Лида Гордеева, пулеметчик Ковалев, красноармеец Хазаров Г.Я. и многие другие храбрые бойцы.

В ноябре 1943 г. части Отдельной Приморской армии форсировали Керченский пролив и одним из первых освободили поселок Аджимушкай. То, что увидели воины в каменоломнях, трудно поддается описанию. Несколько тысяч людей погибли у входов и отдушин, задохнувшись от газов. Они находились в позах, говоривших об ужасных мучениях. Из катакомб было извлечено свыше 3 тысяч трупов.

Позднее стали известны имена тех, кто душил наших солдат и мирное население газами. Чудовищное

преступление совершила группа гитлеровцев с погонями генералов и офицеров. Среди них: Генерал Гакциус – командир 46-й немецкой пехотной дивизии; капитан войск СС Пауль Книпе; командир специальной команды унтер-офицер Бонфик, прибывший из Берлина для осуществления газовых атак; командир 88-го саперного батальона капитан Ганс Фрейлих; командир 2-й роты 88-го саперного батальона Фриц Линеберг – особенно зверствовал в районе Аджимушкайских каменоломен и многие другие.

Трофименко А.И.

История 170-дневной защиты Аджимушкай стала известна благодаря изучению многообразных источников: настенных надписей, красноармейских книжек, найденных в каменоломнях, писем и воспоминаний участников обороны и очевидцев, материалов судебных процессов над военными преступниками, трофейных материалов. Особое место среди них занимают дневниковые записи. Наибольший интерес представляет дневник, который велся в центральных каменоломнях, то есть там, где находилось главное командование гарнизона защитников Аджимушкай. На 59 тетрадных страницах убогим почерком рассказывалось о первых днях обороны и до начала июля 1942 г., когда автор скончался от голода и истощения. Автором его был младший лейтенант Александр Иванович Трофименко.

Трофименко А.И. родился в станице Ахтырской Краснодарского края. Там же окончил школу, заочно учился в Новороссийском учительском институте, работал учителем. В начале войны ушел добровольцем в армию, окончил Краснодарское военное пехотное училище и в звании младшего лейтенанта в апреле 1942 г. прибыл в Керчь в распоряжение Военного совета Крымского фронта. Здесь-то и застала его аджимушкайская эпопея. Уже в катакомбах, Александр Иванович напишет в своем дневнике следующие строки: «Дома у меня есть ребята. Грише 14 лет, он ученик 8-го класса, а двое – Володя и Коля – совсем маленькие». И дальше: «Прежде чем заснуть, я всегда вспоминаю свою родную станицу, где живут и крепнут мои сыны-орлы...»